

АЗЫ

Огонь

Огонь – всего сущего судья и растлитель.

Гераклит

Знаете ли вы совершенного мастера? Это тот, кто умеет регулировать огонь и его степени. Ничто не станет для вас столь серьезным препятствием, как неспособность управлять теплом и огнем.

Томас Нортон

Желания недостаточно; на самом деле, невежественное желание делает бесполезным само себя или сжигает. Чтобы желание осуществилось, чтобы *opus* дал плод – в искусстве, в любви, в практике любого рода – узнайте все, что вы можете, о его огне: его сиянии, его мерцающей неустойчивости, его тепле и ярости. Огонь как стихия, находящаяся вне пределов человеческого разума, требует «психоанализа огня» – таково название прекрасного исследования Башляра. [1] Искусство огня и ключ к алхимии – это умение согреть, возбуждать, воодушевлять, воспламенить, вдохновлять материю мира, которая также является основой нашей природы, чтобы осуществить её переход в другое состояние.

Конечно, лаборатория, печь, цикурбиты и перегонные кубы, подмастерья – это не только материальные явления, но и вымышленные образы. Вы и есть лаборатория; вы – сосуд и материал, который готовят. Точно так же, огонь – это невидимое тепло, психическое тепло, которое требует топлива, притока воздуха и постоянного любовного внимания. Как создать тепло, способное высушить сырость, росу, растопить свинцовые оковы и дистиллировать несколько драгоценных капель пьянящей чистоты?

В Греции, в храмах Асклепия, куда «пациенты» приходили, чтобы найти исцеление с помощью сновидений, они некоторое время находились в инкубации, посвящая себя сосредоточенным размышлениям и правильным процедурам, чтобы обре-

сти благословение – благодетельный сон. В Библии Иона, покинутый своими товарищами по кораблю, должен был некоторое время оставаться в брюхе огромного кита на глубине моря. В этой темноте он выделял тепло, терял свои волосы. Заключение в одиночестве; абсолютная интернальность. Это *Некия*, [3] ночное морское путешествие через подземный мир, совершенное также Одиссеем, Энеем и Гераклом, Эвридикой, Инанной, Персефоной, Психеей, Орфеем, Христом. Независимо от того, является ли этот подземный мир холодным и ужасным или полыхает адским пламенем, это царство характеризуется температурами, подходящими только для демонов, призраков, героев и героинь, богинь и теней, которые больше не принадлежат высшему миру. Аутсайдеры. Маргиналы. Алхимия – это профессия маргиналов, тех, кто находится на грани. Тех, кто живет за счет своего собственного огня, потя от него, поддерживая свою собственную температуру, которая может отличаться от общей по палате. Тапас: пыл внутреннего тепла. Индийские мудрецы сидят в гималайских снегах и теплом своего тела растапливают место, на котором сидят, удерживаемые своей собственной оболочкой.

Природный огонь одновременно и небесный – исходящий от солнца, звезд и молний, и земной – происходящий из термальных источников, газа, гейзеров и вулканов. Алхимик работает с обоими видами, а также с теми, что приходят извне в человеческую сферу: вспышками и лихорадками, взрывными маниями и слепящими звездами, а также с внутренним огнем, метаболическим жаром тела, который возвращает, переваривает, плавит чресла в огне похоти.

«Чем выше духовный рост человека, тем больше его половая страсть», – говорится в Талмуде (Трактат Сукка). Как огонь лижет и «цепляет» поленья, чтобы продолжать гореть, так же и страсть «цепляет» тела живых существ. «Цепляние, огонь» – это также значение триграммы И-Цзин «Ли». Подобно когтям кошки, лапам льва, серный огонь вцепляется в объект своего желания или в само желание. Интенсивный внутренний жар как фертильность. У суки течка: «Solo aestu libidinis», и только жар либидо освобождает Митру от камня.

Если алхимия – это искусство огня, а алхимики – «художники огня», как говорят многие тексты, то алхимик должен «познать» все виды огня, степени огня, источники огня, топливо огня. И алхимик должен уметь побороть огонь огнём, уметь применять свой собственный огонь, воздействуя им на огонь, с которым он работает. Работать огнём с огнём. Природа служит природе. Алхимия, природное искусство, естественное искусство, которое проявляет и умножает природный жар. «Время действия природы чрезвычайно велико, и все смеси её однородны, и огонь у нее очень медленный. С другой стороны, Искусство стремительно; Мастер своей искусностью управляет жаром, делая огонь более жгучим – или более нежным». [4]

Там, где наука измеряет температуру градусами, алхимия наблюдает различные виды тепла, свойства огня. Жар возрастает по мере того, как работа продолжается, восходя через четыре классических этапа. «Каждый из следующих огней вдвое силь-

нее предыдущего», – говорил Милий. [5] Различные тексты описывают эти четыре стадии разными образами, но часто встречаются следующие: курица-наседка, [6] это медленное и мягкое тепло, как тепло тела; солнце в июне; большой и сильный прокаливающий огонь; жгучий и неистовый огонь, способный расплавить свинец или сплавить железо. В другом тексте четыре стадии перечислены так: водяная ванна, пепельная ванна, песчаная ванна и открытый огонь. Словарь Руланда дополняет четыре стадии богатыми описаниями. [7] «Первая степень медленная, напоминающая ленивую угретьность; её называют теплом теплой ванны, экскрементов, пищеварения, кровообращения... Уподобляется теплу, выделяемому птицей при высиживании птенцов». Очевидно, этот огонь порождается размышлением, перевариванием и сосредоточением на нижней части тела, это брожение в кишках и безмолвие в утробе. Отношение к нему безразличное, робкое. Медлительность и сдержанность деятельности сами по себе способны породить тепло.

«Вторая степень жара свирепее, но такова, что его безопасно трогать, и он не обжигет руку. Эту ступень называют «жаром пепла» ... Пепел из-за своей тонкости и мелкости не порождает много воздуха». В главе 9, ниже, обсуждается роль воздуха; здесь мы можем отметить, что эта вторая стадия питается очень малым количеством топлива. В ней мало вдохновения, никакой глубины дыхания. Вместо этого – удушающая тусклость, пыльная, пепельная, высохшая.

«От себя я не оставил ничего, кроме пепла». [8] «Пепел на рукаве старика – это пепел, оставшийся от сгоревших роз». [9] Это тепло можно потрогать, удерживать, возможно, просеять от остатков, оно подобно теплоте воспоминаний, «смесь памяти и желания». [10] Читаем Элиота, Пруста, Ахматову: свирепый жар легкого пепла, не колеблемый бризом фантазии.

Почему свирепый? Потому что пепел – это окончательное подавление, голая душа, последняя правда, все остальное растворилось. «Пепел – это все», – сказал Зосима Панополитанский, «первый алхимик», покровитель дисциплины. *Rosarium Philosophorum* (CW 16) указывает, что пепел «претерпевает», а Мухаммад ибн Умаил, арабский алхимик десятого века, известный на Западе как Задит Старший, написал в своей *Tabula Chemica*: «Сожженные и пепел и душа – золото мудрых». Свирепый? Потому что мы запечены в собственной первичной природе.

«Третья степень обжигает руку, и её сравнивают с раскаленным песком или железными окалинами». Искушение, состояние души, известное в Средние века как *siccitas*, *acedia*, сухая депрессия души, побуждённой волевым решением исполнить свой долг. Железо Марса, разгневанное. Дни в бескрайней пустыне под безжалостным солнцем. Этот огонь «обожжет руку», поэтому с ним нельзя справиться. Он не в наших руках. Если первая стадия проходила в теле, а вторая – в памяти, то это – жар отчаянной решимости, изолирующий гнев, который заставляет работать еще более горячо.

«Четвертая – самая высокая степень и, как правило, самая разрушительная. Живое пламя создается из дерева или углей». Бернард Тревизанский говорил, что четвертая

стадия – «в железе или в пламени» [12]. Помимо очевидной связи железа и пламени с кузнецом и кузницей, в третьей и четвертой степенях присутствует импликация воина духа. Пустынный святой, подвижник; «душа умирает, когда становится влажной», – сказал Гераклит, для которого огонь был первоэлементом и первым принципом. Вся липкость, всё цепляние души сожжено пламенем, растворилось в воздухе; а дымная, маслянистая, пахучая суетность серных желаний очищена. Это переход от «обычной» серы к «сере, очищенной горением» (*ignis clare ardens*) или «исчерпанному огню» (*ignis extinctus*), где «сера лишилась своих свойств». [13]

Два самых горячих огня предназначены для операции под названием «прокаливание», кальцинация: «Превращение тел в Кальций путем сжигания». [14] Кальций – это «любой порошок, полученный путем избавления от избыточной влаги». [15] Сведение беспорядка – к сущности, влаги или твердого вещества – к «тонкому порошку», [16] туманных воспоминаний – к пронзительному образу, упрямой одержимости – к легкой фантазии. Концентрированность = Божественность. Сущностное осознание. Моменты в памяти или переплетение ощущений (запахов, вкусов), очищенные от личных ассоциаций, оставляют после себя лишь кальций, кальку, объективный коррелят сверхдетерминированной проблемы. Никакого многословного изложения обстоятельств, только горячее сердце. Нет причинности. Ни контекста, ни условий. Истинно то, что осталось, потому что только то, что осталось – без примесей. Жар поглотил всё остальное. «Материал для вас может быть приготовлен только в вашей собственной крови», – говорится в текстах.

Эти порошки действуют на другие тела как катализаторы и активаторы, вступая в соединения, поглощаясь и исчезая. Или действуют наподобие порошкообразного пигмента, который, если к нему прикоснуться живой каплей влаги (укол печали, волна похоти, прилив надежды), может окрасить все вокруг. Алхимик работает с этими сущностями, с обработанной, приготовленной, покоренной природой, а не с природой в сыром виде. Кальцинированное тело – это тело, прошедшее через огонь, дваждырожденное тело, тонкое тело, больше не привязанное к тому, чем оно когда-то было, и поэтому полностью включённое в работу.

Тепло, измеренное в цифрах на термометре, не имеет формы и настроения, оно бывает только выше и ниже, больше или меньше. Двухмерное. Тепло, выделяемое курицей-наседкой, плавящимся свинцом, временами года, пеплом, соединяет воображение оператора непосредственно с огнем. Более того, эти степени тепла делают огонь особенным. Тепло, которое дает ванна, отличается от тепла, излучаемого раскаленными углями, так же, как сухое тепло ветра пустыни отличается от влажного жара джунглей. Описание источника жара определяет его качества, передавая ему свойства пепла, воды, навоза, пламени. Когда алхимия использует термины для обозначения огня, такие как «персидский огонь» (*ignis persicus* – «язва, терзающая огненным жаром» [17]), «брюхо лошади» (*venter equi*) или «огонь льва» (*ignis leonis*), она направляет наше внимание к образам: практика, подобная тщательному научному наблюдению термометра. Поэтические метафоры измеряют наше воображение.

Фигур судил о градусах тепла по руке. [18] «Первая степень – это та, которая разрешает держать над ней руку. Вторая степень – это та, которая разрешает держать руку у огня лишь короткое время». Заметьте, что именно огонь «разрешает». Огонь – это актер, мастер своего дела. Вы должны познакомиться с этим мастером сами, а не услышать о нём из книг или лекций о желании. Хорошая кухарка сожгла несколько блюд, да и руку тоже обжигала. Мы учимся теплу у поваров, кузнецов, гончаров, бальзамировщиков, у курения табака, копчения окороков и рыбы, выпечки пиццы, сушки чая, брожения пива, дистилляции бурбона. Даже изготовление карамели само по себе требует тонкого языка многих оттенков, консистенций, степеней.

Руки, понимающие степень жара во внутренней работе, способны оценить работу и вне самих себя. Например, писательство: оставьте главу на столе нетронутой в течение трех дней. Коснитесь её снова и обнаружите, что она застыла, как холодная баранина. Боксер делает передышку, и его ноги теряют рисунок своего танца на ринге. Пациент приходит на анализ только раз в две недели, потом не появляется месяц, рабочего жара так и не возникает – и сеансы становятся вялыми, тривиальными, застенчивыми.

Мы можем быть введены в заблуждение, переворачивая страницы старых алхимических трактатов с гравюрами и ксилографиями фламандского художника Давида Тенирса младшего (1610–1690), изображающими алхимиков за работой, где огонь является внешним по отношению к ним. Нет, алхимик вносит свой собственный посильный вклад; он с огнем, в огне. Сей старик в лаборатории, готовящий растворы с помощью своего аппарата, стоящий на коленях у огня – это ваш образ мудреца в вашем уме, и ваши руки в печи собственного тела, вы потеете над преобразованием вашей собственной природы – своих собственных кислот и серы, своих собственных гниений, своих собственных горьких солей.

Огонь богов

Огонь – как младенец – вечно голодный; огонь – как дитя – быстро растущий, юный и пылающий; огонь – девственный – вечно обновляемый. Очаг есть утроба, колыбель, в которой возрастает делание. Мы вернулись к Гестии, что находится в центра античного дома, царского дворца, городкой ратуши – не как статуя или персонифицированная фигура, а попросту как огонь в очаге. Только он. Гестианский огонь нуждается в заботе. Он – приручающий огонь культуры; суровое ограничение страсти; тихое, но яростное тепло внимательности. Этот огонь есть тайна сфокусированного сознания. В иерархии божеств к Гестии обращались перед всеми остальными – в молитвах, а иногда и в процессиях, ибо прежде всего приходит способность быть причастным, осознавать. Мы видим тьму и проникаем во тьму – по милости её света. Мастерство, дисциплина, чистое намерение, достоинство – таковы требования, которые Гестия предъявляет к работнику огня, и алхимия пронизана такого рода строгими советами.

Другие боги, другие огни. Или, скорее, как мастер-мифограф Карл Кереньи говорил о политеизме: не много разных миров, но один и тот же мир, стилизуемый под различные божества. Таким образом, алхимики также и дети Гефеста, потому что их родословная восходит к кузнецам и ковке; и дети его жены, Афродиты, потому что их предки были людьми искусства, ювелирами, парфюмерами, мастерами производства косметики и окрашивания ткани; и Ареса/Марса, её любовника, из-за красной жары огня, эмблемой которого в алхимической стенографии были меч, стрелы, нож, копье – инструменты, которые пронзают, убивают и разделяют; и Гермеса – из-за тонких трансформаций и тайных формулировок, ловких манипуляций руками, меркантильного импульса и претензий на монетизацию; старого Сатурна, потому что тяжелая работа начинается свинцом и заканчивается в свинце, и как сказал Майкл Мейер, это *via longissima* («долгое путешествие» – лат. – прим. ред.), это работа по уходу за огнем, заправка топливом, вывоз золы, бессонное наблюдение; и Аида – из-за его жестокости языка его и жара, адского огня и иссушающей смерти, [20] а также из-за происхождения алхимии от бальзамирования, а также корня «хем», возможно, египетского происхождения, означающего «черный»; алхимию называли «черное искусство», которое, подобно Аиду, действует тайно, вдали от человеческого взгляда.

Но среди всех пламён именно огонь Гестии и Венеры/Афродиты требует, чтобы мы приступали к работе с чувством долга и любви, а также с чувственным наслаждением от цветов, запахов и текстур смесей. Алхимия словно страсть, преданность, бхакти-йога. «Огонь – есть огонь любви, жизнь, которая исходит от божественной Венеры... Огонь Марса слишком холеричен, слишком остер и слишком яростен...» [21]

К огню алхимии имеют отношение многие боги и богини, вспомним о Диане/Артемиде и луне; молниях Зевса; Эросе; вине и расчлененном Дионисе. Но не хватает одного – того, о котором мы, современные люди, вспоминаем при мысли об огне в первую очередь – Прометея! Прометею не место в алхимической работе, и алхимик всегда должен быть начеку, чтобы не совершить «прометеева греха», не украсть огня для использования человеком. Согласно Платону, Прометей украл огонь у Гефеста (Эсхил говорит, что у Зевса; Гесиод – что у солнца). Версия Платона обычно берётся за основную. [22] Гефест работает с огнём в связи со своим видом деятельности; любовь, говорил Платон, побуждает его. Прометей похищает огонь для «блага человечества». Первый огонь – эстетический, даже религиозный; второй – идеологический. Но ведь Прометей был Титаном, и это он ответственен за титанический капитализм индустриальной эпохи, национализм и идеологический гуманизм, а также окончательную мутацию алхимии в химию (см. главу 9 ниже).

Торопливая природа

Так как природа имеет свое собственное тепло и медленно работает над своим собственным улучшением, огонь алхимика главным образом стремится помочь усилиям природы. «Собственные усилия природы» – вот ключ к разгадке незаконного присвоения огня Прометеем и алхимиками, которые искали настоящее золото и настоящее лекарство. Юнг воспринимал грех Прометея таким, каким он предстает в христианстве, хотя и не связывал его с древнегреческим мифом. Происходит «разветвление путей», писал Юнг, между христианским опусом и алхимическим. Алхимик «может сыграть определенную роль в совершенствовании, которая принесёт ему здоровье, богатство, просветление и спасение; но... поскольку он не является тем, кто должен быть освобожден, он больше заботится о совершенствовании субстанции, чем о себе». [23]

Алхимическое видение выходит далеко за пределы человеческого; оно направлено на освобождение природы, её совершенствование, и огонь является средством для достижения этой цели. Как один из четырех элементов, лежащих в основе бытия космоса, огонь не принадлежит даже богам. Огонь не может быть похищен и использован человеком, как земля, воздух и вода не могут быть присвоены на благо одного вида. Прометеев поступок и то, что он был по-христиански человекоцентричен, едва ли можно назвать экологическим. Любой изучающий алхимию, любой заимствующий её приёмы лишь для своего собственного искусства или практики, совершающий работу со своей собственной природой, остается Прометеем, светским гуманистом, золотоискателем.

Если алхимия стоит за естественными процессами, происходящими в глубокой психотерапии, как показал Юнг, а также в искусстве, то эти виды деятельности, всё же, должны иметь цели помимо прометеевой. Формирование души индивида или даже коллектива все еще остается человеческим действием. Глубинная психотерапия обязана, подобно алхимии, быть сосредоточенной на «совершенствовании субстанции», а не субъекта, иначе она окажется моральной – до ошибочности, как Прометей, крадущий огонь у богов, и практикующие терапию окажутся прикованными к скале догматического, лично-центрированного гуманизма. Как нам понять это служение природе? Как алхимическая парадигма способна оживить практику и искусство – так, чтобы практика и искусство служили природе? Очень просто: узнавая с помощью неё материалы и инструменты, места и сооружения, имеющие каждый свой оживляющий дух; узнавая то, что все вещи одушевлены, что они имеют свои собственные намерения, свои собственные привычки и удовольствия. Относиться к вещам с учетом их свойств. Алхимия – это анимизм. Материалы доверяют себя нам, чтобы мы их улучшили. Ничто не может быть использовано без добровольного сотрудничества.

Рассматривая материалы как одушевленные, призывая духов металлов и говоря об их эмоциональных качествах, алхимия находила богов в природе, а душу, или одушев-

ление – в физическом мире. Преданность алхимии была не ветвью тогдашнего современного гуманизма; это было не столько изучение человеческих произведений культуры и языка, сколько сосредоточение на нечеловеческой тайне вещей, их врожденном потенциале, их живости. Все благочестивые советы и нравственные увещания, которыми наполнены тексты, по-видимому, направлены на то, чтобы противостоять бесчеловечным, возможно, демоническим экспериментам, которые лежат вне меры человека. Современная наука, исследуя подобные нечеловеческие силы, пренебрегает подобными моральными ограничениями.

Огонь производит и допускает различное воздействие на различные вещества в различных случаях. Святой Августин отмечал, что огонь чернит дерево и одновременно отбеливает камень, оказывая противоположное воздействие на материалы, которые скорее родственны, чем противоположны. [24] Каждая вещь нагревается по-своему. Знай свой огонь, но знай и свой материал. Например: муж и жена – родные люди, пара. Они рассматривают возможность войти в сосуд терапии и с помощью её жара испепелить свои трудности. Огонь может отбелить их, но может и очернить, и они выйдут из него как противоположности.

Когда мы ускоряем природу, применяя тепло, мы приспособливаем тепло к качествам вещества. Более того, тепло, которое мы применяем снаружи в виде огня, должно быть направлено на разжигание и усиление теплоты внутри вещества. Количество и вид тепла определяются материалом, с которым мы работаем. Не слишком много, не слишком мало. Дозировка. Поэтому для ускорения природы нет формулы, нет ясного предвидения часов, дней, лет. «Сколько времени это займет?» – спрашивает пациент у доктора, певец у своего учителя, романист у своего иллюстратора – чтобы привести свои планы в завершённую форму.

Бонус из Феррары отвечает: «Время, необходимое для всей работы, по словам Разеса, составляет один год. Росинус определяет его в девять месяцев, другие – в семь, третьи – в сорок, некоторые – в восемьдесят дней. Однако мы знаем, что как вылупление цыпленка всегда совершается за один и тот же период, так и для этой работы требуется определенное количество дней или месяцев, и не более. Трудность, связанная со временем, также связана с тайной огня, которая является величайшей тайной искусства». [25]

Более тонкий пассаж сравнивает опус с эмбрионом, которому требуется девять месяцев, чтобы созреть, и каждый триместр управляется определенным элементом. Сначала *opus* питается водой, затем воздухом и, наконец, огнем. Переход от воды к воздуху, от затопления и растворения к высушиванию и завершению достаточно хорошо знаком ремесленникам в любой работе концентрации. Затем работа «оживляется огнем». Она теперь живет сама по себе. Желание или импульс, который побудил работу, исчерпывает себя; все намерения, ожидания, амбиции сгорели в чистой страсти делания.

Топливо: древесный уголь и воздух

До сих пор в лесах старой Европы, в некоторых частях Центральной Азии и Африки, а также в Бразилии, Японии, Индии и Китае угольщики собирают хворост для производства того топлива, которое было необходимо для алхимии. [27] Римский натуралист Плиний Старший (23–79 гг.н. э.) тщательно описал сорта древесины, из которых делают лучший древесный уголь, а также, для каких именно целей этот уголь используется. Пихта, писал он, лучше переносит мехи – меньше тлеет, поэтому она подходит для кузнечной работы. Для железа – каштановый уголь, для серебра – сосновый.

Согласно алхимической логике, самый чистый огонь будет подпитываться самой чистой субстанцией. Вы получаете от огня только то, чем он питается. Древесный уголь является наиболее желательным топливом, потому что его вещество уже очищено. Или мертво. Вот почему он черный и такой легкий. Все излишки были сожжены. Это дваждырожденное топливо два раза прошло через огонь – сначала как натуральное дерево, а затем как сущность этого дерева. Уголь: *opus contra naturam*. Кроме того, в течение своего существования древесный уголь носит цвета алхимического делания: черные куски, белый пепел, желтое пламя, красные угли. Самое загадочное в нем то, что даже происхождение английского слова «Charcoal» неизвестно.

Рожденный в огне и умирающий в огне, древесный уголь предан огню. Самоотверженный слуга, очищенный от влаги, не имеющий собственных желаний к преобразованиям. Поэтому он так хорошо служит моющим средством, поглотителем, очистителем, позволяя другим веществам проходить через его пористое тело, не изменяясь. Не реагент, не катализатор, уголь – всего лишь топливо, которое не мешает, дающее энергию, ничего не требующее взамен. Это качество энергии, которая питает опус.

Воздух, от которого зависит огонь, даже легче древесного угля. Это первичное топливо, данное богами, о чем свидетельствует огонь молнии. На изображениях алхимиков у их печей и кузнецов у их очагов часто изображен слуга, называемый «поддуватель», работающий мехами, поддерживая огонь постоянным потоком воздуха. Есть египетские изображения этих поддувателей, работающих мехами, еще 1450 года до нашей эры. [28] От примитивных труб и мехов из шкур животных до доменной печи на металлургических заводах огонь использует воздух для усиления тепла. Чтобы погасить огонь, отрежьте ему доступ к воздуху.

Что такое этот «воздух», как им управлять? В самом начале западной мысли о природе и космосе Анаксимен Милетский (VI век до н. э.) предложил элемент «воздух» в качестве основы космоса. Идея невидимого, прозрачного элемента, который разрежается и конденсируется, на котором держится существование огня и света, от которого, собственно, зависит вся жизнь, продолжала тревожить человеческое мышление теориями эфира, флогистона, воздушных ангелов и крылатых демонов, небесных сил и летательных машин, паров и призраков, души как дыхания – до тех пор, пока